

Interpone tuis interdum gaudia curis

# НГ АНТРАКТ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «НГ» №16 (133), 29 АПРЕЛЯ 2005 г.

## Трудно ли быть хамелеоном?

Алла Демидова считает, что актер не знает, какой он человек

Елена Кутловская

Актерским даром Аллы Демидовой восхищались Фаина Раневская, Лев Гумилев, Арсений Тарковский, Владимир Высоцкий.

У нее два образования – экономический факультет МГУ и Щукинское училище. Она работала в Театре на Таганке, играла в спектаклях Юрия Любимова, Анатолия Эфроса, Романа Виктюка, Анатолия Васильева, Теодороса Терзопулоса. Снималась у Андрея Тарковского в «Зеркале».

В 2004 г. вышла ее шестая книга – «Ахматовские зеркала».

Алла Демидова имеет множество наград и премий, последняя – «Ника» за лучшую женскую роль в фильме Кирры Муратовой «Настройщик».

Алла Сергеевна, вы всегда были символом стильного, интеллектуального и внебытового искусства. И вдруг резко сменили амплуа, сыграв сентиментальную комическую недотепу в «Настройщике».

– У меня уже был опыт комической игры. Например, Государственную премию СССР я получила за роль, которую в титрах обозначили словом «потаскушка». Это был фильм Михаила Швейцера «Бегство мистера Мак-Кинли». И мне было забавно, как в Георгиевском зале будут торжественно объявлять: Алла Демидовой вручается премия за роль потаскушки! Но председатель Николай Тихонов поступил умно: сказали, что премия мне вручается за участие в картине. Или, например, Эльмира в «Тартюфе» на сцене «ранней» Таганки. Во втором акте была сцена раздевания – зал просто плакал от хохота. Значит, во мне есть какие-то комедийные данные. Они не только что обнаружались. Но вообще-то актер проверяется на больших ролях. И в большей степени – на древнегреческих трагедиях. Для меня очевидно одно: тот, кто убедительно сыграет древнегреческую трагедию, – может делать все, что угодно, у него все получится. У меня за плечами Электра, Федра, Медея, Гамлет, Раневская... Поэтому роль Анны Сергеевны в «Настройщике» далась мне легко. Это профессия. Плюс, конечно, свои какие-то человеческие качества. Свои человеческие акценты. Хочешь или не хочешь, но они возникают в каждой роли.

– Есть ли аналогия между Раневской, которую вы играли в спектакле Эфроса «Вишневый сад», и Анной Сергеевной в «Настройщике»? И та и другая – расточительные, вечно обманутые и вечно одинокие женщины.

– Я меньше всего об этом думала, когда играла в «Настройщике». Это было неосознанно. Моя



С «Никой» в руках.

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

мер, сыгранный вами когда-то Гамлет?

– Когда играешь Гамлета, трудно рассчитывать на широкую публику, ведь не каждый смертный встречал призрака. (Смеется.) И не каждый думал о том, что произойдет с его сознанием, если ему встретится умерший отец. К этим вопросам не каждый приходит. А с персонажем Анны Сергеевны все проще, потому что каждый из нас был хоть раз в жизни обманут. И каждый про себя думал, что он – простил.

– Когда вас обманывают – вы прощаете?

– Естественно. Сколько раз меня обманывали – столько раз я прощала. И этот обман у меня в голове даже до следующего дня не задерживался. Моя бабушка-старо-

вдур все исчезли из деревни. Бабушка ужасно страдала. Помню, шли мы с ней по дороге. А перед нами – полк солдат. И последним шел солдатик маленького роста в огромных кирзовых сапогах, которые были ему так велики, что он буквально утопал в них и оттого постоянно отставал от своих. Вновь дотопал и потом вновь отставал. Когда он пробегал мимо нас, бабушка сунула ему три рубля. Солдатик как-то удивленно взял деньги, а бабушка ему вслед сказала: «Прими, Христа ради» – и была очень рада, что исполнила свой долг.

– Представители культурной интеллигенции, в том числе и вы, недавно опубликовали письмо к Путину, выразив протест против установки па-

мятника Сталину на территории РФ. Почему письмо подписали всего 18 человек? – Я думаю, что много и не требовалось. Несколько человек обратились непосредственно к Путину, потому что данный вопрос может решить только он. Пока ответа нет, поэтому наше письмо – как глас вопиющего в пустыне. Вы знаете, я человек не баррикадный и никогда не участвую в массовых возмущениях. И если честно, не очень люблю коллективные письма, адресованные властям. В свое время я подписала письмо, чтобы вернувшемуся на Родину Войновичу отдали его квартиру. Было еще одно письмо такого же типа по поводу Любимова... Что же касается нашего обращения к президенту, то, когда мне позвонили друзья и сказали, что собираются в письме к Путину опротестовать возможность установки памятника Сталину, у меня даже сомнения не возникло, нужно это делать или нет. Потому что годы правления Иосифа Сталина – самая трагическая страница в отечественной истории. Нам могут возразить: ведь есть памятник Наполеону, ну и так далее. Я отвечаю так. Во-первых, все страны, где существовали тираны – начиная от Нерона и кончая Наполеоном, – не торопились увековечивать свое весьма сомнительное прошлое. Должно было пройти какое-то время, должны были смениться уж два поколения точно, чтобы боль трагических событий ушла. Но ни Наполеон, ни Гитлер не предпринимали против своего народа такой убийственной операции, которую предпринял Сталин против населения СССР. К примеру, Гитлер был жесток к оккупированным странам. Но никому не приходит в голову ставить ему памятник в той стране, где он, простите меня, нагадил. Или вспомним Трумэна. Он сбросил бомбы на Хиросиму и Нагасаки, остановив тем самым Вторую мировую войну. Может быть, со временем кого-то и посетит сумасшедшая идея поставить ему памятник за это. Но, слава богу, пока не приходит. И меньше всего стоит ожидать, что такая мысль придет в голову

японцам. А что же делаем мы? Сами, своими руками, хотим поставить памятник человеку, который над нами издевался, который уничтожил всю интеллигенцию, все крестьянство, весь верховный командующий состав перед самым началом Второй мировой войны. Более того, Сталин был морально не готов к этой войне, и у него и у его ближайшего окружения была невероятная паника, когда немцы напали на СССР. Этот факт историками описан. И после этого кто-то пытается говорить о том, что именно Сталин выиграл войну?! Войну выиграла наша русская генетика, которая медленно раскачивается, а если уж раскачается, то остановит ее невозможно – она как русский самовар. Кто-то из мудрых сказал, что память о тиранах – это их забвение. По-моему, если уж забывать – так не вспоминать никогда! Вообще не произносить имени тирана. Но, с другой стороны, через какой-то срок, может быть, посмотреть на историю другими глазами... Хотя если знать историю, то никакими другими глазами нельзя посмотреть на зверства Ивана Грозного, на ужас вздыбленной Петром России. Счастливы те, кто не знает фактов из российского прошлого, для них эти люди – герои. Хотя все мы понимаем, что роль человека в истории опосредованна, именно история выдвигает ту или иную личность на первый план. Что я имею в виду: необоснованные зверства Ивана Грозного – когда он в пьянью бросал тысячи неповинных людей, а бояр своих буквально косил ко-

сой – весь этот кровавый шлейф заложил в генах народа физический страх перед Петром. Потому что самому Петру без такого генного страха России было бы не перевернуть. Значит, кровь, тирания, чудовищные зверства против людей собственной страны – все это было каким-то поступательным движением чего-то нам неведомого... Зло творится вопреки нашему разуму. Когда происходят смены формаций, катаклизмы – от человека практически ничего не зависит, он является всего лишь волей энергетических и социальных сил эпохи.

– Вы верите в то, что президент прислушается к вашему посланию?

– Вы знаете, я не отношусь к людям, которые верят или не верят, гадают или не гадают. Мы написали письмо. И моя совесть чиста. Я против установки памятника тирану и убийце собственного народа, и я сделала все, что могла. На баррикады против Зюганова и тех людей, которые его поддерживают, не пойду. Потому что я уже давно живу, стараясь никому не мешать и не вредить. Никого не хочу переубеждать. Если меня спрашивают – я высказываю свою позицию. Если не спрашивают – молчу. Я никогда ни с кем не спорю.

– Вы публично читали «Реквием» Ахматовой в застойные времена, когда он еще не был опубликован. Что побудило вас обратиться к этому произведению – любовь к творчеству Ахматовой или протест против системы?

– Когда мы с «Виртуозами Москвы» исполняли «Реквием» в Ленинграде, в Большом зале филармонии, в зале сидел Лев Николаевич Гумилев. Многие строчки «Реквиема» напрямую были обращены Ахматовой к нему. И вот когда он ко мне пришел, я, чтобы предвосхитить какие-то его слова, сказала: «Ой, Лев Николаевич, я так волновалась, когда увидела вас в зале». Он парировал: «Стоп-стоп, Алла. Я сам волновался и трепетал как заячий хвост, когда шел сюда, хотя забыл это чувство со времен оных. Но трепетал, потому что терпеть не могу, когда актеры читают стихи. Тем более Ахматову и тем более «Реквием». Но вы были хорошо одеты». Мне, кстати говоря, эти его слова очень понравились. И вот спустя много лет, на недавней пресс-конференции «Виртуозов Москвы», Володя Спиваков рассказал о том, как тогда же в Ленинграде Лев Гумилев зашел к нему в гримерную. Володя воскликнул: «Лев Николаевич, ваша теория пассионарности меня просто убила!» На что Гумилев ответил: «Стоп-стоп, Володя. О моей теории поговорим потом. Но то, что сверхпассионарны и вы, и Алла Демидова, – это точно». А вот мне он этого не сказал!

– Почему, как вы думаете?

– Потому, что я слишком затрепетала. Это было очень умно с его стороны. Я это вспомнила к тому, что тоже терпеть не могу, когда актеры читают стихи, потому что они ломают строчку, ломают ритм, совершенно не думают о рифме и читают стихи как роль – со своими чувствами, со своими страданиями. А если уж и читать как роль, то надо переходить в образ поэта, который в данный момент сочиняет эти стихи. Не люблю, когда Ахматову читают женщины. Они ее слишком нагружают эмоциями, женскими чувствами. Помните, Ахматова писала: «Я научила женщин говорить... / Но, Боже, как их замолчать заставить!»?

– И все же, что такое «Реквием» для вас?

– Все и всегда возникает случайно. Когда собирается компания талантливых людей – буквально из воздуха высекается какая-то искра. И вот собралась хорошая компания – Володя Спиваков,

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 14

## Высокое искусство всегда поворачивается лицом к сегодняшнему дню

Раневская – это чеховская недотепа. Она старается удержаться на краю, как все чеховские персонажи. Меня в ней больше всего интересовала тема незащищенности от грубой жизни, тема человека над бездной. И поскольку это стоит у меня за плечами и в какой-то степени является моим мировоззрением – все это, наверное, не могло не прочитаться в роли Анны Сергеевны.

– Почему комическая роль в «Настройщике» вызвала куда более бурную реакцию критиков и зрителей, чем, напри-

обрядка все время говорила: «Алла, когда тебя обманывают, надо обязательно сказать про себя: «Прими, Христа ради». Знаете, это очень помогает. Вообще я часто вспоминаю бабушку. В ее религию входило правило: давать милостыню. Помню, после войны я жила летом у нее в деревне – а бабушка у меня из Владимирской области, – и мы ужасно голодали. Так вот, у нас за столом всегда сидели нищие и ели вместе с нами. В пятидесятые годы Сталин стал истреблять нищих: их сажали, высылали. И они

мятника Сталину на территории РФ. Почему письмо подписали всего 18 человек?

– Я думаю, что много и не требовалось. Несколько человек обратились непосредственно к Путину, потому что данный вопрос может решить только он. Пока ответа нет, поэтому наше письмо – как глас вопиющего в пустыне. Вы знаете, я человек не баррикадный и никогда не участвую в массовых возмущениях. И если честно, не очень люблю коллективные письма, адресованные властям. В свое время я подписала